

А л е к с а н д р В А Р Г О
И «АПОСТОЛЫ ТЬМЫ»

НЕ ТА ДВЕРЬ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В18

Варго, Александр.

В18 Не та дверь / Александр Варго. — Москва : Эксмо, 2016. — 448 с. — (MYST. Черная книга 18+).

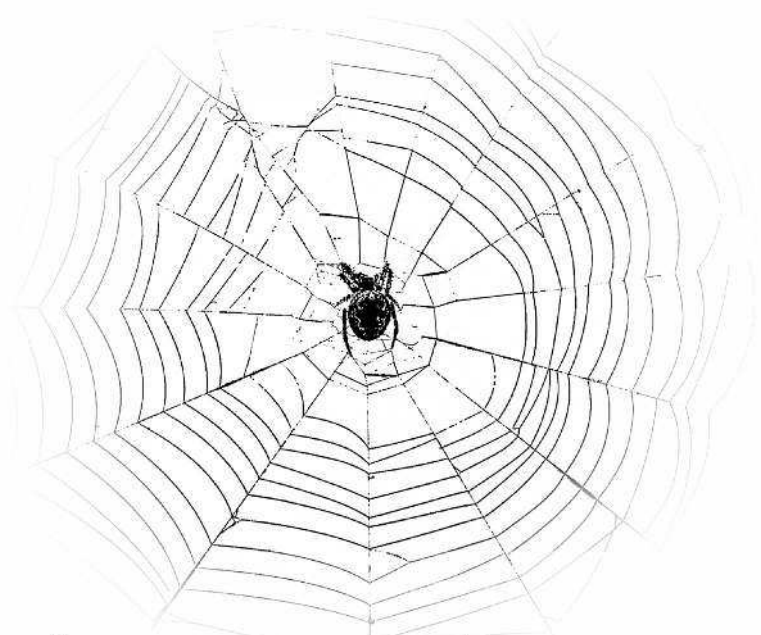
ISBN 978-5-699-91722-8

Все началось с обычного похода в парикмахерскую. Пятилетний Женя привычно сел в кресло напротив зеркала, глянул на свое отражение, затем на парикмахершу и... похолодел от ужаса. Перед ним стояла настоящая ведьма. Отвратительная, злобная, страшная старуха. Остро заточенные ножницы в ее руке лягнули. Трупный смрад хлынул на ребенка. Но почему его бабушка, Елизавета Петровна, приведшая малыша на стрижку, ничего не замечает? Почему отец Жени воспринял рассказ сына с юмором? Неужели взрослые уже настолько огрубели и ослепли, что не ощущают могильного холода всего в шаге от себя?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Варго А., 2016
© Киоса М., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-91722-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2016

А л е к с а н д р В а р г о

ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ

Р А С С К А З

*«...Давным-давно
в одном африканском племени
существовал обычай,
по которому немощных
стариков, уже неспособных
выполнять самую простую
работу, сбрасывали в ущелье.
Причем делали это их
собственные дети...»*

Татьяна позвонила около пяти вечера, когда они только выезжали с территории института. Роман чертыхнулся — Татьяна никогда не звонила просто так. Не дай бог, что-нибудь случилось. Управляя одной рукой «Фордом Эскейп», другой рукой он «раскрыл» свой новенький «Самсунг» и прислонил телефон к уху:

— Добрый день, Татьяна, слушаю вас.

— Роман, здравствуйте, — послышалось в трубке. Голос был торопливый и извиняющийся, и он сразу догадался, о чем пойдет речь.

— Мне очень неудобно, Роман, — продолжала тараторить женщина, — мне только что позвонили из Владимира, моей маме стало хуже... Вы слышите меня?

— Да, — сказал Рома и плотно сжал губы. Сидящая рядом с ним Жанна, высокая шатенка с красивыми ногами и обильным макияжем, потянулась за сигаретами. Глядя на ее непомерно длинные ногти, окрашенные в цвет венозной крови, Рома в который раз удивился, как она вообще умудряется что-либо делать с такими «бритвами», по длине мало уступающими клинкам Фредди Крюгера.

Татьяна же, сиделка, ухаживающая за их восьмидесятидевятилетним дедом, продолжала на одном дыхании расписывать ужасные болезни своей мамы, судя по всему, подозревая, что в ее словах могут усомниться. Но Рома уже почти не слушал. Три дня, которые он собирался провести на своей даче, погоды не изменят, дед даже не заметит, что он будет один. Так что пусть эта соска катится в свой сраный Владимир.

— Хорошо, когда тебя ждать?

— В понедельник, с самого утра! — с явным облегчением в голосе ответила Татьяна и тут же отключилась, словно боясь, что Рома может передумать.

— Кто это был? — спросила Жанна, закуривая сигарету. По салону автомобиля поплыл легкий аромат мяты.

— Нянька деда, — ответил Рома, убирая телефон. — Отпросилась на выходные.

Он выругался про себя — все-таки он дал слабинку, не нужно было отпускать с такой легкостью эту лохушку — теперь придется самому заезжать домой, чтобы раздать необходимые ЦУ деду, да и поесть нужно ему

ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ

чего-то оставить. А это как минимум лишние два часа, включая дорогу. Ну да ладно.

— Куда это ты свернул? — удивленно спросила Жанна.

— Заедем ко мне домой, — сказал Рома. — Дед на выходные один остается.

— Ну и что? — невинно хлопая глазами, спросила девушка. — Ты хочешь захватить его с нами на дачу? Или наоборот, остаться в Москве?

Рома бросил на нее взгляд исподлобья.

— Нет, мы поедем на дачу.

— Тогда поехали сейчас! На дорогах и так уже пробки! — капризным тоном произнесла Жанна.

— Я взглянул бы на тебя, когда тебе стукнет девяносто, — не глядя на девушку, проговорил Рома.

— При чем здесь я? — Жанна выпустила колечко дыма.

Рома хотел сказать, что она ничего не понимает, потому что она совершенно не знает его деда, и что он и так почти совсем не уделяет ему, прошедшему всю войну, времени, и вообще, чтобы она закрыла рот, но он промолчал. Спорить с Жанной было себе дороже, а на критику она обычно реагировала истеричными выпадами. Роман часто задавал себе вопрос, что его держит возле этой красивой, но глупой девушки, но, к собственному изумлению, ответа на этот вопрос у него не было.

Пока они ехали, Рома вдруг подумал о том, что по большому счету его дед, Андрей Степанович, не очень-то жаловал эту Татьяну.

И дело было вовсе не в личной неприязни, дело было в принципе. Он, который дошел до Берлина и на Рейхстаге написал собственное имя, китель которого сверкал от орденов и медалей (их даже было уже некуда вешать), он, который всю свою жизнь ни минуты не сидел без дела и, даже выйдя на пенсию, возглавлял совет ветеранов района и занимался общественной работой, теперь был вынужден пользоваться услугами какой-то шмакозявки, которая ему годилась во внучки. Собственно, положила руку на сердце, его дед и в самом деле не так уж и нуждался в уходе. В свои восемьдесят девять он был в полном рассудке, мог передвигаться по квартире (причем категорически отказываясь от палочки), сам ходил в туалет, даже пытался мыть после себя посуду (которую, конечно, потом за ним приходилось перемывать). Единственное — это зрение. Дед был практически слепым.

Сегодня утром он поздравил Рому с днем рождения. И это тоже польстило юноше — не каждый старик может похвастаться хорошей памятью, но что-то, у его деда с этим делом никогда не было проблем. Он помнил наизусть телефоны всех своих фронтовых друзей (которых с каждым годом становилось все меньше), телефоны диспетчерских, ЖЭКов, РЭУ, собесов, участкового и так далее, он прекрасно помнил, где и на какой полке у него что лежит, и если его разбудить посреди ночи и спросить, где хранятся саморезы, он без запинки скажет, что на балконе в ящике есть две коробки из-под леденцов

ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ

«Момпасье», перетянутые резинкой от бигудей, там-то и лежат искомые саморезы...

Он поздравил его, сунув трясущейся рукой Роме тысячную купюру, и попытался поцеловать внука, но тот мягко и вместе с тем решительно уклонился от этого жеста. Этому было несколько причин. Ну, во-первых, хоть дед и старательно чистил остатки зубов и вставную челюсть, пахло от него далеко не розами. Во-вторых, его щетина. Ему неоднократно пытались подарить электробритву, но упрямый старик признавал только доисторическую бритву с накладными лезвиями (которые уже проржавели до дыр) и облезлый помазок, напоминающий хвост пожилого зайца, и с маниакальным упорством скоблил свое морщинистое лицо. В итоге часть щетины он сбрасывал нормально, даже резался при этом, а часть оставалась на прежнем месте, как редкий кустарник в пустыне. А в-третьих, ну не хотел Рома испытывать на себе проявления подобной нежности, и уж тем более от старика. Он и матери-то не особенно позволял целовать себя...

Подаренную тысячу он равнодушно бросил на журнальный столик. Пусть будет «НЗ», когда пиво вечером пить не на что. К слову, он на свой день рождения, который планировал отмечать на даче, потратил в пятьдесят раз больше.

Они подъехали к подъезду. Парковочных мест, несмотря на вечер пятницы, почему-то практически не было, но Роме все же удалось каким-то непостижимым образом втиснуть

«Форд» между мятой «шестеркой» и ярко-желтым «Ниссаном Альмерой».

— Поднимешься со мной? — спросил он у Жанны, заранее зная ответ. Девушка скривила губки:

— А ты скоро?

— Как получится.

— Тогда я здесь посижу. Где у тебя кондишн включается? — поинтересовалась Жанна, устраиваясь поудобнее на сиденье. Рома включил кондиционер.

— И радио погромче сделай, — сказала Жанна, томно прикрывая глаза. Она неожиданно икнула, и Рома вдруг обнаружил, что эта девушка начинает раздражать его. Он вышел из машины и аккуратно закрыл за собой дверь.

Поднимаясь на лифте, Рома вспомнил, что его мать (его родители вот уже четыре года живут в Испании) может позвонить домой на выходные. И если дед скажет, что он один, а его любимый внучек, вместо того чтобы сидеть с дедом, поехал отрываться на дачу, могут возникнуть проблемы. И она (мать) не будет слушать его объяснения по поводу какой-то сиделки, у которой неожиданно заболели родственники. Его мать сказала прямо, когда уезжала в Испанию:

«Дед никуда с нами не поедет, уговаривать его бесполезно. Так что постарайся сделать так, чтобы его последние дни в России были спокойными и светлыми. Мне без разницы, будешь ли ты лично ухаживать или наймешь гувернантку (деньги, безусловно, я тебе дам),

ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ

но обещай мне, что дедушка не останется без присмотра»

И Рома пообещал. Потому что на кону стояло многое — его учеба в МГИМО и последующий переезд к родителям, которые, по предварительной информации, уже приобрели для него в Испании уютный домик рядом с красивым озером. Разумеется, Рома не верил, что он лишится всего этого, если мать хоть на минутку усомнится в его порядочности по отношению к своему отцу, но проверять это Роме почему-то не хотелось. В связи с этим такие случаи должны тщательно скрываться. «Такие» — это как сейчас. Рома подумал, что он мог бы выключить телефон в квартире, а если мать наберет его мобильник, он всегда может сказать, что дед спит. В последнее время он действительно много спал, прямо в кресле, из которого потом поднимался с большим трудом.

Рома открыл квартиру и вошел внутрь.

— Это я! — громко крикнул он. Он всегда так делал, об этом попросил его сам дед. Как и многим людям пожилого возраста, ему всегда казалось, что к ним могут забраться воры.

— Дед, я пришел! — заорал Рома, скидывая туфли. Ответа не последовало. Значит, старик спит. Однако, проходя на кухню мимо туалета, он обратил внимание на включенный свет. Ну ладно, пока дед справляет свои дела, он приготовит ему что-нибудь.

Рома открыл холодильник. Так, в кастрюле борщ (Татьяна была лохушкой, но готовила отменно), в стеклянной «утятнице» котлеты...

так, творожные сырки (дед прямо-таки обожал их), колбаса, сыр... В дальнем углу он увидел коробку зефира в шоколаде. Это деду подарила соседка, Анна Семеновна, глуховатая, но бойкая старушка, знающая все про всех, которую в любую погоду можно увидеть на лавочке под окнами. Зефир в шоколаде дед любил больше всего и с благоговением брал по одной штучке, делил ее пополам, одну половинку ел утром с чаем, другую вечером. И было бесполезно его убеждать, чтобы он ел вдоволь и что этот зефир не такой уж дорогой — деда было не переубедить. Слишком сильны остались воспоминания о войне и голоде. Роме вспомнилось, как однажды, разбирая балкон, он обнаружил заботливо припрятанные дедом жестяные банки с надписями следующего содержания: «горох», «гречка», «рис» и так далее. Судя по всему, все вышеуказанное было старше самого Ромы, и ради интереса он открыл одну из них, сразу отшатнувшись — в крупе была сборная солянка — жучки, тараканы и даже какие-то личинки. Естественно, он тайком выбросил эти банки. Туда же отправился и мешок с хозяйственным мылом — коричневым, крошащимся и характерно пахнущим. Дед складировал свои запасы по привычке, вряд ли осознавая, что все это когда-нибудь ему пригодится. Получая пенсию, какую-то часть он обязательно тратил на спички, соль, сахар, тушенку, макароны и бережно прятал это на антресоль, под кровать или на тот же балкон.

Рома налил в хромированную плошку бор-

ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ

ща, быстро сделал несколько бутербродов, достал чай в пакетиках и поставил это все возле микроволновки. Он улыбнулся, вспомнив, какого труда стоило ему уговорить деда пользоваться печью — тот по старинке упорно хотел подогревать на газовой плите. Но вместо газовой в их квартире уже давно стояла современная электроплита со встроенной панелью, и Рома не хотел рисковать, доверяя ее деду.

— Дед, ты скоро там? — нетерпеливо крикнул Рома, насыпая в стакан сахар. Стакан бы граненым, с трещинкой, в потемневшем от времени посеребренном подстаканнике с изображением герба СССР, и дед пил чай только из него.

Молчание. Рома подошел к туалету и постучал. Дверь приоткрылась. Он толкнул ее, чувствуя, как возле сердца что-то неприятно заскреблось. И тут же непроизвольно отшатнулся, ловя себя на мысли, что с днем рождения придется подождать. Дед сидел на унитазе, как-то странно подбрав ноги, будто испытывая сильные рези в животе, руки прижаты к груди, лицо пепельного цвета. Губы сжаты так плотно, что их почти не видно, глазные яблоки выкатились вперед, того и гляди выскочат.

— Бббб... бббб, — дед качнулся вперед, и если бы Рома не подхватил его, он свалился бы на пол. От старика пахло мочой. На полу тоже была лужа.

— Что случилось? — спросил Рома, с трудом удерживая деда. Несмотря на свою спор-